

Рожкова Зинаида Игоревна

Институт философии Российской академии наук

**Феномен социального неравенства в цифровом мире:
как демократия существует в условиях экономических дисбалансов**

Аннотация. Статья рассматривает связь между демократическими системами и экономическим неравенством, исследуя, как политические режимы влияют на распределение доходов и каким образом неравенство может подрывать процессы в демократиях. В работе используются теоретические подходы, основанные на трудах Д. Асемоглу, Дж.А. Робинсона и Т. Пикетти, а также проводится анализ Индекса демократии и Коэффициента Джини для изучения влияния политических систем на экономическое расслоение общества. Исследование особенно актуально в условиях глобального роста неравенства и его воздействия на политическую стабильность. Понимание этих процессов важно, как для исследователей, так и для практиков, специалистов в области политики и экономики. Рассматриваются возможности сокращения неравенства через укрепление демократических институтов и внедрение фискальных мер для регулирования капитализма. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий на социальное расслоение. Демократия способствует уменьшению экономического неравенства, однако она не всегда успешно справляется с его ростом. Свобода накопления ресурсов может усилить расслоение, что угрожает политическому равноправию и стабильности демократий, что выявляет необходимость стратегии для устранения экономического и политического дисбаланса.

Ключевые слова: демократия, экономическое неравенство, капитализм, индекс Джини, социальная политика, цифровое неравенство, политические режимы

Rozhkova Zinaida Igorevna

The Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

**The phenomenon of social inequality in the digital world:
how does democracy exist in conditions of economic imbalances**

Abstract. The article examines the relationship between democratic systems and economic inequality, exploring how political regimes affect income distribution and how inequality can undermine processes in democracies. The paper uses theoretical approaches based on the works of D. Acemoglu, J.A. Robinson and T. Piketty, as well as analyzes the Democracy Index and the Gini Coefficient to study the impact of political systems on the economic stratification of society. The study is especially relevant in the context of global growth of inequality and its impact on political stability. Understanding these processes is important for researchers, practitioners, and specialists in politics and economics. The possibilities of reducing inequality through the strengthening of democratic institutions and the introduction of fiscal measures to regulate capitalism are considered. Special attention is paid to the impact of digital technologies on social stratification. Democracy helps to reduce economic inequality, but it does not always successfully cope with its growth. The freedom to accumulate resources can increase stratification, which threatens the political equality and stability of democracies, which highlights the need for a strategy to address economic and political imbalances.

Key words: democracy, economic inequality, capitalism, Gini index, social policy, digital inequality, political regimes

Вступление

С конца XIX века в Палате общин укоренились вопросы о том, что государство «должно играть более важную роль в обеспечении благосостояния и безопасности населения, а также в развитии инфраструктуры современной экономики и общества» [12, 47]. Экономическая наука приобретает новые грани, исследует вопросы новой теории рациональности, этики, утилитаризма, роста развития, экономической демократии, глобализации. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что расширение круга проблем капитализма относится к усилению влияния социального и политического на экономическое, созданию постэкономической системы, которая, в свою очередь, расширила круг проблем и, соответственно, влияние капитализма.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что капитализм в настоящее время находится на пике своего развития. «Неожиданно мир экономики, далекий от уверенной ориентации на "земной" материализм, демонстрирующий здоровый аппетит как к земным благам, так и к достоверности фактов, стал окончательным и абсолютным» (Латур, 2019). Однако, являясь наиболее стабильной альтернативой экономической власти во всем мире, никогда не был явлением с постоянными переменными, со временем он менялся и принимал различные формы. «По мере развития капитализма на него накладывалось все больше социальных и правовых ограничений. Почти все население приобрело то, что Т.Х. Маршалл называл "социальным гражданством", правом на участие в социально-экономической жизни нации, т.е. в капитализме» [15, 18]. Экономическая наука в настоящее время приобретает новые грани, исследует вопросы новой теории рациональности, этики, утилитаризма, роста развития, демократии, глобализации, цифровой экономики. Следовательно, расширение круга проблем капитализма относится к усилению влияния социального и политического на экономическое, созданию условно называемой постэкономической системы, которая, в свою очередь, расширила круг проблем и, соответственно, влияние капитализма.

Построение институтов современной социальной политики облегчило жизнь людям в условиях рыночной системы. Тем не менее, ситуация далека от идеала, поскольку одной из самых значительных проблем современного капиталистического общества является дисбаланс в распределении экономических ресурсов и возможность их неограниченного накопления. Из-за этого экономическое расслоение способно вызвать политические перекосы, и как следствие – демократические перспективы ограничиваются увеличивающимся разрывом между состоятельными и малоимущими слоями населения. Теоретическая конструкция основана на различии институциональных механизмов, принятых Д. Асемоглу и А. Робинсоном, где они классифицировали институты в странах по уровню инклюзивности и добычи полезных ископаемых. Согласно мнению авторов рост повышения уровня демократии напрямую связан с сокращением неравенства в доходах. То есть инклюзивные институты ограничивают избранных представителей и элиту экспроприацией доходов другой части общества и предоставляют равные шансы на равные возможности и результаты для всех. Ключом к обеспечению этой возможности является независимость и подотчетность учреждений.

Здесь появляются со временем актуальные вопросы. Может ли демократия остановить рост уровня неравенства? Какова взаимосвязь демократии с одной из главных проблем капитализма – неравенства? Это вопросы, которые являются обсуждаемыми в различных направлениях исследований. На эти вопросы в рамках данной статьи предпринята попытка поиска ответов. Исследование является актуальным по ряду причин. Во-первых, вопрос о том, как связаны между собой политический режим и экономическое развитие страны, волнует, как ученых в различных сферах, так и рядовых граждан. Ведь ответ на вопрос важен с практической точки становления режима, если определенный политический режим ведет к устойчивому росту экономической стабильности граждан, то режим становится наиболее выгодным для построения. Во-вторых, актуальным становится и вопрос об обратной стороне медали и влиянии экономического неравенства на сферу

политики. В-третьих, вопрос в целом не является достаточно изученным в сфере политической науки, а имеющиеся результаты анализа зачастую противоречивы.

Актуальность исследования определила выбор объекта, предмета, цели и задач исследования. Объектом исследования в данной статье является феномен неравенства на различных этапах развития социально-политической мысли, предметом исследования являются современные подходы к изучению функциональности демократии в контексте неравенства. Гипотеза этого исследования заключается в следующем - при наличии демократических процедур условия свободы и неприемлемости люди не всегда соблюдают. Неравенство может создать ситуацию, в которой уровень экономического неравенства настолько высок, что это влияет на политическое равенство и, следовательно, на стабильное функционирование демократии.

Для решения этих проблем использован широкий спектр работ, посвященных важности капиталистической системы для развития демократии в целом и вопросам неравенства в частности. Среди них работы: Асемоглу Д., Робинсона Дж., К. Бойкс, Крауча С., Латура Б., Мюллера Дж.-В., Пшеворского А., Пикетти Т., Свифта Р., Стиглица Дж., Елисеева С. и других.

Теоретические исследования о неравенстве и демократии

Известная гипотеза А. Пшеворского связывает стабильность демократии со средним достатком населения страны, оцениваемым в 15 тысяч долларов ВВП на человека [2] (около 15 тысяч долларов). Тем не менее, многие государства с доходом выше этого порога остаются под авторитарным правлением. Примеры включают нефтедобывающие регионы Азии и Африки, а также Россию, чей экономический уровень приближен к указанным странам. В связи с этим политологи, в том числе К. Бойкс, стремятся разработать новые модели, которые могли бы объяснить причины успеха или неудачи демократических трансформаций.

К.Бойкс выделяет два ключевых элемента, влияющих на политическую систему: уровень экономического неравенства и характеристики имущества [1]. По его мнению, сокращение неравенства через экономический рост снижает риск демократии для авторитарных правителей. В демократиях учитываются интересы более широкого круга населения, что ведет к более высоким налогам для состоятельных слоев и активному перераспределению ресурсов. Это вызывает сопротивление у авторитарных правителей, опасющихся значительных затрат на перераспределение. Но с уменьшением экономического неравенства, стоимость перераспределения становится ниже затрат на подавление, что создает условия для перехода к демократии. В теории К. Бойкса одним из ключевых показателей, воздействующих на переход страны к демократии, является мобильность государственных ресурсов. Например, инвестиции в аграрный сектор зачастую обладают меньшей мобильностью по сравнению с человеческими или физическими ресурсами. Элиты, контролирующие неподвижные активы (как землю или нефть), боятся демократических реформ, предполагая, что это приведет к значительному налогообложению их собственности. Но когда активы становятся более ликвидными, как это было во время промышленного переворота в Европе XIX века, опасения по поводу налоговых потерь уменьшаются. Следовательно, препятствия для демократизации, связанные с угрозами для элит, ослабевают.

Бойкс поднимает вопрос о роли среднего класса в демократизации общества. Он расширяет анализ, вводя третью социальную группу к уже существующим «богатым» и «бедным». При этом исследование усложняется. Когда экономический прогресс ведет к улучшению благосостояния людей, относящихся к среднему классу, при сохранении статуса остальных слоев, разница между состоянием среднего и верхнего классов уменьшается. В этом случае, затраты на социальное перераспределение средств оказываются ниже, чем на подавление среднего класса через репрессии.

Мы можем дополнить формулу идеями известных политологов Д. Асемоглу и Дж.А.

Робинсона. Авторы рассматривают демократию в сочетании с социальным конфликтом между различными группами, основной конфликт между сегментами населения связан с долей трудовых доходов в ВВП. В этом случае бедные получают доход от труда, богатые - от капитала или арендной платы. «Следовательно, когда возникает конфликт между богатыми и бедными, высокая доля трудовых доходов соответствует низкому уровню межгруппового неравенства» [5, 89].

В обществах, где отсутствует демократия, состоятельные слои общества подвергаются опасности восстания. Меньшинство, обладающее богатством, стоит перед выбором: идти на компромисс, принимая реформы, предоставлять больше свобод или подавлять недовольство силой. Бедные, составляющие большую часть населения, часто остаются без реальных изменений, поскольку боятся, что любые улучшения могут быть отменены, если элиты сохраняют контроль. Решение между ужесточением контроля и переходом к демократии зависит от многих аспектов, в том числе от социально-экономического статуса страны: уровня неравенства и распределения доходов.

По мнению экономистов Асэмоглу и Робинсона, связь между демократическими процессами и разницей в доходах граждан нелинейна. Она напоминает кривую, образующую изогнутый график в форме «U», перевернутого вверх ногами. Если рассматривать страны с минимальным разрывом в доходах, как, например, Сингапур, то потребность в демократии остается на низком уровне. В случаях же аномально высокого неравенства, как в Сальвадоре, Парагвае, Китае и России, правящая верхушка стремится избегать развития демократических институтов, опасаясь значительных потерь и предпочитая политику подавления. Вероятность перехода к демократии возрастает при условии умеренного экономического неравенства.

Кроме того, осветим монументальное исследование Т. Пикетти [16]. Одним из ключевых заключений, которые Т. Пикетти сделал в своих исследованиях, стало утверждение о “паразитическом” характере современного капитализма. Издание *The Economist* продемонстрировало, что за последние 30-40 лет (вследствие либеральных преобразований, проведенных Тэтчер и Рейганом) на Западе произошло стремительное увеличение спекулятивного обогащения. С 1980 года неравенство в доходах быстро росло в Северной Америке, Китае, Индии и составило 5% в Европе.

В рамках своего исследования он создал модель, основанную на определении, двух экономических законах и неравенстве. Пикетти называет растущую дисперсию в распределении богатства социальной и политической проблемой первостепенной важности. Мы можем ясно видеть эту проблему в соотношении доли национального дохода к численности населения. Это можно увидеть на примере процентного соотношения доли доходов состоятельного населения в США на 10% населения, поскольку с 1970 по 2007 год она увеличилась с 35 до 50%, то есть почти весь доход присваивался элитой страны [16]. Такая концентрация богатства в руках элиты приводит общество к политическим проблемам и разрушению основ демократических идеалов. Пикетти предлагает свой выход из нынешнего кризиса социального неравенства. Он видит это в фискальной политике, в том, чтобы сбалансировать определенный процент, не для финансирования государства всеобщего благосостояния, а для регулирования капитализма. В то же время главным нововведением в налоговой системе XXI века станет глобальный налог на капитал, ежегодный налог на индивидуальное богатство.

По словам К. Крауча, социал-демократия приложила немало усилий, чтобы исключить из насущных проблем вопросы, связанные с такими проблемами рынка труда, как трудовые отношения и условия труда. «Историческая точка зрения на права, полученные в результате подъема рабочих движений, заключалась в том, что они были основаны на зависимости экономики и общества от продуктов труда» [11, 134]. Эти проблемы являются центральными и должны быть возвращены в повестку дня; социальная политика не может не учитывать неравномерное распределение доходов. Тем не менее, социал-демократы считаются великими строителями государства всеобщего

благополучия, поскольку они понимают важность вклада социальных инвестиций в повышение общей производительности экономики, они признают необходимость использования возможностей общества для борьбы с рыночными дисбалансами, и есть возможность создать защиту от меняющегося мира о глобализации.

Цифровое неравенство

Ранее социальное различие включало в себя материальные ценности, экономический статус, связи, уважение в обществе, образ жизни и способности [9, 7]. Но в современном обществе ключевыми становятся информационные ресурсы и цифровые технологии. Это приводит к новым видам социальных разрывов, особенно в аспекте цифрового доступа [14, 8].

Под цифровым разделением понимают ситуацию, когда разные социальные группы имеют неодинаковый доступ к информационным технологиям. Это может быть вызвано не только отсутствием доступа к технологиям, но и недостаточными навыками их использования или даже сознательным отказом от них, возможно, из-за особых предпочтений или недоверия к технологиям. В современном мире данные - это новый ресурс власти, и здесь наблюдается неравенство. Пользователи интернета, возможно и не подозревая, создают огромное количество цифровых данных своей активностью. Однако именно компании, занимающиеся сбором этой информации, обладают ключами к её анализу и хранению. Аналитики превращают сырые данные в ценные знания, которые затем могут быть реализованы как продукт. В то же время руководители и власти используют эти данные для реализации собственных целей, увеличивая разрыв между обычными пользователями и теми, кто контролирует информационные потоки.

Цифровой разрыв между странами определяется качеством и доступностью информационных систем, а также уровнем защиты прав граждан в сети. Неравный доступ к современным технологиям и информации, а также диспаритет в навыках их использования — вот основные аспекты этого разрыва. Вариативность цифрового неравенства проявляется через: — Недостаточность доступа к цифровым ресурсам. — Различия в умении обращаться с технологиями. На мировой арене наблюдается разделение между индустриально продвинутыми государствами и теми, что развиваются, догоняя лидеров. Такое же разделение характерно и внутри стран: передовые промышленные области контрастируют с отстающими аграрными зонами. В контексте образования разрыв между городскими и сельскими учебными заведениями ощущается через разницу в качестве обучения и доступности ресурсов для образования. Между поколениями существуют значительные различия в освоении технологий. Молодые люди, как правило, легче приспосабливаются к нововведениям в цифровой сфере, в то время как старшее поколение часто испытывает трудности с включением в эти процессы. Финансовые барьеры также играют важную роль в доступности информационных технологий. Стоимость оборудования и услуг может ограничивать доступ к цифровым ресурсам, а также технологический прогресс может уменьшать ценность традиционных форм капитала.

Цифровые технологии вносят значительные изменения в социальную структуру. Некоторые видят в этом шанс для улучшения равенства через доступность технологий, но есть и другая точка зрения, подчеркивающая усиление социального разделения. Появляется цифровая элита с особыми компетенциями, диктующая правила в области технологий, в то время как другие лишаются доступа к цифровым ресурсам. Экономическая цифровизация изменяет рынок труда: автоматизация сокращает количество рабочих мест на производстве, а интеллектуальный труд превращается в простое обслуживание сложных систем. Это приводит к утрате трудовых доходов и понижению социального статуса. Цифровое разделение становится политической проблемой и угрозой для электронной демократии. Технологии активизируют участие граждан в политической жизни, но также могут привести к недопониманию интересов значительных социальных групп, создавая риск их дискриминации.

Соотношение демократии и неравенства

Д. Асемглоу и Дж.А. Робинсон рассматривают демократию в сочетании с социальным конфликтом между различными группами, основной конфликт между сегментами населения связан с долей трудовых доходов в ВВП. В этом случае бедные получают доход от труда, богатые - от капитала или арендной платы. «Следовательно, когда возникает конфликт между богатыми и бедными, высокая доля трудовых доходов соответствует низкому уровню межгруппового неравенства» [5, 89]. Для подробного исследования данного вопроса и подтверждения или опровержения идей Д. Асемглоу и Дж.А. Робинсон рассмотрим подробнее данные индекса демократии и индекса Джини. Предполагается, что соотношение индексов показывают отрицательную взаимосвязь между индексом демократии и индексом Джини: то есть страны с более высоким коэффициентом Джини и неравенством, как правило, менее демократичны.

Для рассмотрения анализа данных проясним, что будем понимать под Коэффициентом Джини и Индексом демократии. Коэффициент Джини является одним из основных при измерении уровня неравенства в доходах населения. Коэффициент позволяет проводить сравнения распределения изучаемого признака в популяциях, отличающихся количеством единиц, и между разными популяциями (например, в регионах с разной численностью). Кроме того, он показывает данные по ВВП и доходу на душу населения; динамику неравномерного разброса исследуемого признака; возможность сравнить распределение рассматриваемого признака по неоднородным группам населения (например, для сельских жителей и городских). Одним из несомненных преимуществ коэффициента Джини является его анонимность, тогда, о чьем доходе идет речь, остается неизвестным, в этом нет необходимости. Расчет коэффициента Джини – это шкала, которая колеблется от нуля до единицы. «Коэффициент Джини, равный нулю, означает, что общий доход распределен между получателями абсолютно равномерно; другими словами, все получатели дохода, включенные в выборку, или их особо выделенные группы имеют одинаковый средний доход» [7, 30]. И наоборот, если коэффициент равен единице, то владелец является одним получателем дохода, а все остальные субъекты получают нулевой доход. Конечно, идеальные значения нуля и единицы на практике встречаются крайне редко. Ученые, проанализировавшие коэффициент, пришли к выводу, что «самое низкое значение Джини, наблюдавшееся до сих пор, составляло около 0,15» [7, 30].

Данные Отчета Всемирной базы данных о неравенстве за 2022 год [4] свидетельствуют о том, что в последние десятилетия уровень доходного неравенства вырос практически во всех уголках планеты, но скорость этого роста отличается. То, что степень неравенства значительно варьируется между странами даже при схожем уровне их развития, акцентирует внимание на важной роли национальной политики и институтов в формировании неравенства. «В настоящее время 10 % самых богатых людей Земли владеют 52 % мирового дохода, в то время как беднейшая половина мирового населения получает лишь 8,5 % такого дохода. В среднем один человек из 10 % населения, стоящего на верхней строчке распределения мирового дохода, зарабатывает 87 200 евро (122 100 долл. США) в год, а представитель беднейшей половины в схеме распределения мирового дохода получает 2 800 евро (3 920 долл. США) в год» [4]. Мировое имущественное неравенство обострилось еще сильнее, чем различия в доходах. Самая бедная половина населения планеты владеет лишь крохотной долей мировых активов — всего 2 %. В то же время, 10 % наиболее состоятельных людей контролируют 76 % всех активов. [4].

На создание другого исследуемого индекса, Индекса демократии оказали влияние идеи Г. Алмонда и С. Вербы. Индекс, который с 2006 г. выпускает аналитическое подразделение журнала «The Economist» [3] исследует уровень демократии в 165 странах мира. При анализе учитываются 60 показателей по пяти категориям: избирательный процесс, деятельность правительства, политическое участие, гражданские свободы и политическая культура. Основываясь на оценках по ряду показателей в рамках этих категорий, каждая страна классифицируется как один из четырех типов режимов: «полная

демократия», «ущербная демократия», «гибридный режим», «авторитарный режим.

По данным The Economist за 2022 г., почти половина населения земного шара живет в условиях демократии (45,3%), однако только 8% в условиях “полной демократии”, по сравнению с 8,9% в 2015 г [3]. Более трети живет при авторитарном правлении (36,9%), причем значительная их доля приходится на Китай и Россию. В результате оценки состояния демократии за 2022 г. получилось, что страны распределены следующим образом: «“полная демократия” – 24 по сравнению с 21 в 2021 г. (Чили, Франция, Испания); “ущербная демократия” – 48 по сравнению с 53 в 2021 г.; “гибридный режим” - 36 по сравнению с 34 в 2021 г.; “авторитарный режим” – 59» [3]. Лидирующие позиции в таблице заняла Норвегия, не идеальными здесь оказались вновь показатели функционирования правительства и гражданские свободы, второе место заняла Новая Зеландия, в которой не достигли идеальных значений два показателя функционирование правительства и политическая культура. Далее по списку расположились: Исландия, Швеция, Финляндия, Дания, Швейцария, Ирландия, Нидерланды, Тайвань [3].

Таблица № 1. Данные Индекса демократии The Economist за 2006-2023 гг.

Страна	Тип режима	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2008	2006
Канада	Полноценная демократия	8,69	8,88	8,87	9,24	9,22	9,15	9,15	9,15	9,08	9,08	9,08	9,08	9,08	9,08	9,07	9,07
Индонезия	Несовершенная демократия	6,53	6,71	6,71	6,30	6,48	6,39	6,39	6,97	7,03	6,95	6,82	6,76	6,53	6,53	6,34	6,41
Нигерия	Гибридный режим	4,23	4,23	4,11	4,10	4,12	4,44	4,44	4,50	3,85	3,76	3,77	3,77	3,83	3,47	3,53	3,52
Россия	Авторитарный режим	2,22	2,28	3,24	3,31	3,11	2,94	3,17	3,24	3,31	3,39	3,59	3,74	3,92	4,26	4,48	5,02

На основе индексов Джини и Индекса Демократии рассмотрим наглядно ряд зависимости на определенных кейсах в период с 2006 по 2023 гг: Канады, Индонезии, Нигерии и России. Для исследования выбор этих стран позволяет провести анализ экономического неравенства в контексте их политических систем, используя индекс Джини в качестве ключевого показателя.

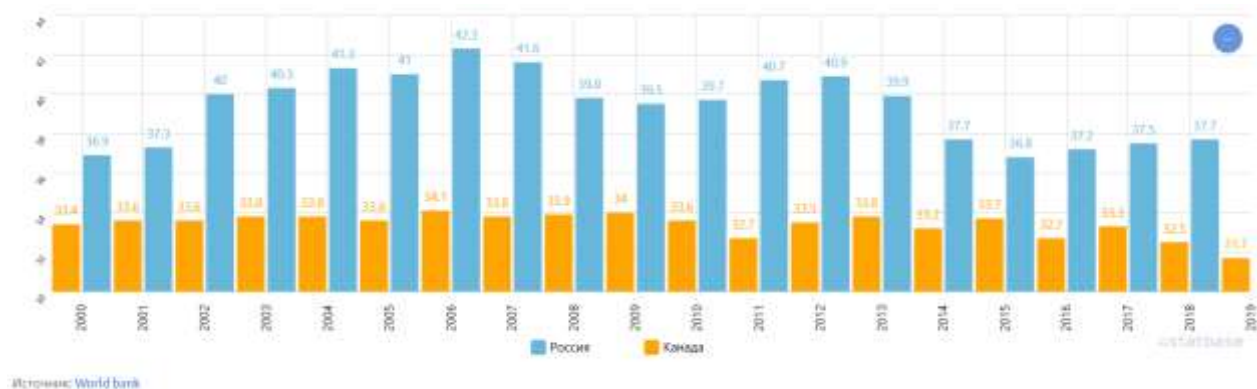
Изображение № 1. Соотношение Коэффициента Джини в период 2000-2023 гг. в Индонезии и Нигерии.

Нигерия, как гибридный режим, представляет собой интересный случай для изучения взаимосвязи между политической нестабильностью и высоким уровнем экономического неравенства. Индекс Джини в Нигерии может дать представление о том, как сочетание демократических и авторитарных элементов в управлении влияет на социально-экономическую политику. Индонезия, с её несовершенной демократией, сталкивается с вызовами в виде значительного экономического неравенства. Анализ

Индонезии может раскрыть, как переходные политические системы влияют на распределение богатства и какие меры могут быть эффективными для снижения неравенства.

Изображение № 2. Соотношение Коэффициента Джини в период 2000-2023 гг. в Индонезии и Нигерии.

Канада, как совершенная демократия, демонстрирует относительно низкий уровень экономического неравенства по сравнению с другими странами. Исследование Канады может показать, как демократические институты и политики способствуют более равномерному распределению доходов среди населения. Россия, признанная The Economist авторитарной системой, характеризуется значительным экономическим неравенством. Изучение России позволяет понять, как централизованное управление и ограниченные политические свободы влияют на распределение доходов и доступ к экономическим возможностям. Таким образом, анализ этих стран в контексте индекса Джини и их политических систем позволяет глубже понять взаимосвязь между типом правления и уровнем экономического неравенства. Это исследование может выявить эффективные стратегии для снижения неравенства в разных политических контекстах.

Выводы

Переход к демократии в XX веке ускорил темпы экономического развития и процессы социального расслоения общества. Несмотря на положительное влияние демократических институтов и на экономическое развитие, оказывается, что демократия не может решить проблему социального неравенства. История показывает, что демократия в большинстве случаев увеличивает уровень социального неравенства, а вместе с ним и разрыв в равенстве возможностей. Проблема социального неравенства признана самой острой проблемой капиталистического мира, неравенство как свобода в возможности накопления неограниченных экономических ресурсов.

Свобода накапливать неограниченные экономические ресурсы может создать ситуацию, в которой уровень экономического неравенства будет настолько высок, что это повлияет на политическое равенство и, следовательно, на стабильное функционирование демократии. Что приведет к его дисфункции, понимаемой как неспособность приносить различные блага людям. «Необходимым условием для более здоровой демократии является принятие стратегии, направленной на устранение экономического (и, следовательно, политического) неравенства» [17, 76].

Неравенство становится самой острой проблемой капиталистического мира в наше время, неравенство как свобода в возможности накопления неограниченных экономических ресурсов. Эта свобода может создать ситуацию, в которой уровень экономического неравенства настолько высок, что это влияет на политическое равенство и, следовательно, на стабильное функционирование демократии. «Необходимым условием для более здоровой демократии является принятие стратегии, направленной на борьбу с экономическим (и, следовательно, политическим) неравенством» [17, 76]. Экономическое

неравенство приводит к политическому неравенству, и, следовательно, демократия в таком контексте разрушается, потому что богатые люди определяют исход «демократических» процессов. Демократические возможности ограничены разрывом между богатыми и бедными, что создает следующую ситуацию: «все равны, но некоторые более равны, чем другие» [17, 76].

В этом процессе цифровые технологии занимают центральное место в формировании экономических и политических направлений. Они превращаются в объединяющую силу для общества, но одновременно приводят к появлению нового типа неравенства — цифрового разрыва. Формируемое цифровое общество должно использовать потенциалы риска как позитивные, так и негативные. Пикетти отмечает важность распространения знаний для уменьшения неравенства [16, 10]. Цифровые технологии представляют собой источник как рисков, так и возможностей. Потенциал сплочения общества или расширения социальных дистанций зависит от того, как человечество воспользуется этими технологиями

Согласно результатам исследования, мы можем сказать, что гипотеза верна и свобода в возможности накопления неограниченных экономических ресурсов может создать ситуацию, в которой уровень экономического неравенства настолько высок, что это влияет на политическое равенство и, следовательно, на стабильное функционирование демократии.

Различия в степени неравенства среди стран с аналогичным уровнем экономического развития акцентируют внимание на важности поднятых в статье тем. Обычно демократические режимы располагают более развитыми механизмами перераспределения доходов и защиты прав граждан, что способствует уменьшению уровня неравенства. Исследование взаимосвязи между индексом демократии и коэффициентом Джини показывает отрицательную корреляцию между демократией и неравенством: страны с высоким уровнем Джини и значительным неравенством чаще всего менее демократичны. К примеру, Канада, будучи полноценной демократией, характеризуется низким уровнем экономического неравенства. Это подтверждает значение демократических институтов для обеспечения социально-экономической справедливости. В Индонезии, которая является несовершенной демократией, наблюдаются значительные проблемы с экономическим неравенством, что указывает на необходимость укрепления демократических структур для более эффективного решения этих вопросов. Нигерия представляет собой гибридный режим с элементами как демократии, так и авторитаризма; это сочетание ведет к политической нестабильности и высокому уровню экономического неравенства. Такая ситуация демонстрирует сложность управления в странах с переходными политическими системами. Россия как авторитарный режим сталкивается с высоким уровнем экономического неравенства из-за централизованного управления и ограниченных политических свобод, что подчеркивает влияние системы власти на распределение доходов.

Список источников

1. Boix, C. 2003. *Democracy and Redistribution*. Chicago: Cambridge University Press. 266 p.
2. Przeworski, A. 1985. *Capitalism and Social Democracy*. New York: Cambridge University Press. 153 p.
3. The Economist Intelligence Unit. – URL: <http://www.eiu.com/home.aspx> (Дата обращения: 15.02.2025).
4. World Inequality Database. – URL: <https://wid.world> (Дата обращения: 15.01.2025).
5. Асемоглу Д., Робинсон Дж., 2015. Экономические истоки диктатуры и демократии. - Москва: Изд-во НИУ ВШЭ. - 512 с.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - Москва: Академия, 2004. - 788 с.

7. Веселовский С., 2017. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире: аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН. - 185 с.
8. Горлов К.Н. Социально-политические вызовы больших данных // Социально-политические науки. - 2019. Том 9. № 6. - С. 32-37
9. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию российского гражданства // Власть. - 2017. № 1. - С. 5-11.
10. Коэффициент Джини: все ли имеют право на участие? Открытие. – URL: <https://journal.open-broker.ru/economy/koefficient-dzhini/> (Дата обращения: 28 июля 2024 г.).
11. Крауч К. 2016. Как сделать Капитализм подходящим для Общества? - Москва: Изд-во НИУ ВШЭ. - 288 с.
12. Крауч К. 2016. Постдемократия. - Москва: Изд-во НИУ ВШЭ. - 192 с.
13. Латур Бруно. 2019. О некоторых последствиях капитализма // СТАДИС. №1(1). 90 – 100. – URL: http://doxajournal.ru/translations/latour?fbclid=IwAR3yHNqNfM4K7AA7lKHmjIJ377tDsalm-tc8Ch8WDOgxPAV_jBv2npGJQII (Дата обращения: 15.02.2025)
14. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи // Российский гуманитарный журнал. - 2018. № 3. Том 7. - С. 217-222
15. Манн М., 2014. Власть в XXI веке: Беседы с Джоном А. Холлом. - Москва: Издательство Высшей школы экономики. - 208 с.
16. Пикетти Т. 2016. Капитал в XXI веке. Перевод на русский язык А. Дунаева. - Москва: Издательство "Ад Маргинем Пресс". - 592 с.
17. Свифт Ричард. 2014. Демократия. - Москва: Книговек, перевод на русский язык. - 208 с.
18. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (Дата обращения: 19.02.2025).
19. Саламова А.С. От неравенства доходов к экономическому неравенству//Актуальные вопросы современной экономики. 2022.- №12. С.1039-1044

Сведения об авторе

Рожкова Зинаида Игоревна, к.полит.н., научный сотрудник сектора истории политической философии, заведующая отделом научной коммуникации и популяризации науки, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

Zinaida I. Rozhkova, PhD in Political Science, Researcher at the Department of History of Political Philosophy, Head of the Department of Scientific Communication and Popularization of Science, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.